

„Socialistisches Vestnik“  
„Le Courrier Socialiste“  
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 3 frs

Organe Central du Parti  
Socialdémocrate Russe  
141, rue Broca (bât. 11)  
PARIS (13<sup>e</sup>)

# СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии  
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 22 (402)

17-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр.,  
на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.;  
для остальных стран: на год — 6 долларов; на ½ г. — 3 доллара,  
на ¼ г. — 1.5 долл. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square  
Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25  
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris  
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

30 Ноября 1937 г.

## СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Первое поражение.  
П. Гарви. Разгром советской дипломатии.  
А. Югов. Предпосылки построения социализма в России (окон-  
чание).  
Л. Лора. Живучие иллюзии.  
Заграницей: К годовщине Мадридской обороны. — Конферен-  
ция австрийских револ. социалистов. — Единство действий

эстонских социалистов. — Каторжные приговоры в Латвии.  
— Избирательные победы норвежской Р. П.  
По России: За кулисами Политбюро. — Избирательная кампа-  
ния заканчивается.  
Издания, поступившие в редакцию.  
К статье о Палестине в № 19 «С. В.».  
Объявление о подписке на 1938 год.

Фельетон: Р. Абрамович. Советская Россия и пролетарское единство (окончание).

## ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Передовица прошлого номера «С. В.» констатирова-  
ла, что Сталину не удалось мобилизовать на защиту  
своего плебисцитарного «дела» те «миллионы» агита-  
торов и пропагандистов, о которых мечтала «Правда».  
Пришлось ограничиться «небольшими численно, но  
тщательно проверенными кадрами» специалистов по  
сталинскому «подхалимажу».

В том же номере обезревател «первых недель из-  
бирательной кампании» со своей стороны отметил, что  
никакой избирательной кампании на деле организовать  
не удалось. С самого начала пришлось отказаться от  
допущения той избирательной борьбы между кандида-  
тами коммунистической партии и кандидатами «беспар-  
тийных общественных организаций», которую преду-  
сматривал Сталин в своей прошлогодней беседе с Рой-  
Говардом и которая должна была служить «хлыстом»  
против нерадивых коммунистических бюрократов. Ни  
партия, ни пресловутые «общественные организации»  
своим правом выставять кандидатов не воспользова-  
лись. Единственными поставщиками кандидатов оказа-  
лись бесформенные массовые «общие собрания» рабо-  
чих, колхозников, служащих и т. д., которым кандида-  
туры, в свою очередь, навязывал партийный сталинский  
аппарат издавна (еще до «самой совершенной демо-  
кратии в мире»!) известными методами открытого го-  
лосования. На блудливом языке сталинской печати это  
называлось то — «не отрываться от беспартийных  
масс», то — «по большевистски руководить беспартий-  
ными массами».

Всего этого было довольно, чтобы констатировать,  
что далеко не все идет гладко в сталинском плебисци-  
те. Но теперь уже имеются данные, позволяющие опре-  
деленно утверждать, что «дело» этого плебисцита об-  
стоит еще гораздо хуже, чем можно было ожидать.

Вместо кандидатур от партии и беспартийных орга-  
низаций решили выставять кандидатуры от «беспар-  
тийных» собраний, «руководимых» партией. Но можно  
было предполагать, что для «сохранения лица» выбо-  
ров в каждом избирательном округе будет все же вы-  
ставлено несколько таких «партийно - беспартийных»  
кандидатур. Ведь, множественность кандида-  
тур предусматривается самою формою только что  
утвержденных и отпечатанных избирательных бюлле-  
тней, отмечающих на одном столбце — кто канди-  
дирует, на другом — кем выставлена кандидатура и  
приглашающих избирателя вычеркивать имена всех  
кандидатов кроме того единственного, кого он хочет  
почтить своим «доверием». Но и такая видимость «вы-  
бора», сохраняющая за избирателем хотя бы возмож-  
ность руководиться при тайном голосовании принци-  
пом «меньшего зла», признана слишком опасной с точ-  
ки зрения проведения в депутаты особо «доблестных»  
гепеушников и особо «беспредельно преданных» ста-  
линцев: в разрез и с конституцией, и с положением о  
выборах, в каждом избирательном округе (быть может,  
ва редчайшими исключениями) будет выставлен лишь  
один кандидат — тот самый, которого партии уда-  
лось руками (сказать «голосами» было бы явным про-

увеличением) беспартийной массы «провести» на открытых выборах. Так можно судить по спискам кандидатур, зарегистрированных окружными избирательными комиссиями: донныне нам не удалось обнаружить ни одного округа, в котором было бы зарегистрировано несколько кандидатов. И так недвусмысленно говорит «Правда» (18 ноября), предлагающая «развернуть всю» агитацию за «кандидата, выставленного в данном избирательном округе» и популяризовать его «имя, биографию, заслуги»: кандидата, а не кандидатов. Сказано достаточно ясно!

Таким образом «тайные» выборы еще не начались, а сталинской диктатуре уже приходится выбрасывать за борт конституцию и положение о выборах и собственными руками разрушать так тщательно возведенные «демократические» декорации! Это уже не частичная неудача. Это несомненное, оглушительное поражение — первое поражение Сталина на пути бонапартистского плебисцита!

Это отнюдь не значит, конечно, что вся плебисцитарная затея окончится явным, всем видимым провалом, что сталинские «кандидаты» соберут лишь незначительное число голосов, равносильное отвержению их избирателями. Нет. Слишком велика власть «тоталитарной» сталинской диктатуры не только над каждым отдельным избирателем, но и над каждым территориальным или производственным коллективом советских граждан, самое элементарное благополучие которых зависит от ее «планов», и слишком сильного союзника имеет эта тоталитарная власть в запуганности и политической пассивности масс, чтобы можно было питать какие-либо иллюзии на этот счет и ожидать, что большинство избирателей рискнет, хотя бы и в тайном голосовании, поставить на карту судьбы своего города, своей фабрики, своего колхоза. А если где и случится такой скандал, то к услугам диктатуры имеются ведь избирательные комиссии, тоже составленные в порядке партийного назначения: если можно было одним росчерком пера похерить целую всенародную перепись, то неужели же трудно будет «поправить» кое-какие неудобные или неприличные цифры?

Нет, внешне, по видимости все будет, конечно, обстоять как нельзя более благополучно. Сталин получит нужное ему, «единодушное» одобрение «всего народа». Будущий Верховный Совет «под гром аплодисментов» поставит его во главе президиума республики и, быть может, поднесет соответствующее звание — «отца социалистического отечества» или что-либо в этом роде. Но все это будет лишь видимость. На деле первое, еще предвыборное поражение Сталина доказывает, что его диктатура не имеет уже корней в массах, что массы отвергают ее плебисцитарное закрепление, что при самом рождении своем, в противоположность всем до сих пор из истории известным примерам, сталинский бонапартизм оказывается лишенным не только массовой опоры,

но и опоры в своем собственном аппарате, висит в воздухе и потому может быть лишь переходящим этапом политического развития Советского Союза, а не сколько-нибудь устойчивым конечным результатом его. Это поражение еще раз подтверждает, что вехой новой конституции отмечен не конец, а начало борьбы за подведение политических итогов русской революции.

Новая, демократическая по формам конституция была задумана для удовлетворения необходимо присущей всякой единоличной диктатуре потребности — утвердить себя на «всенародном» основании. Но историческая пережитость и обреченность сталинской диктатуры в том и сказалась, что ему не удается уже фокус, который 85 лет тому назад удался «маленькому Наполеону» и который еще 4½ года тому назад с успехом проделала фашистская диктатура Гитлера. Разрыв между устремлениями сталинской диктатуры и настроениями широчайших масс достиг, очевидно, такой степени, при которой демократические формы не могут уже фальсифицировать и замазывать антагонизма между массами и диктатурой, а могут лишь все ярче вскрывать и все больше обострять этот антагонизм и потому становятся опасны для диктатуры, как опасен оказался для царизма думский «лже-парламент».

Сталин может теперь, сколько угодно, рвать и метать (и наверное рвет и мечет) против тех «вредителей», которые в недобрый час навязали ему «демократическую» конституцию. На самом деле, самым ходом развития своей единоличной диктатуры он был вынужден во «всенародности» искать последнего прибежища. Но, оказалось, в этом прибежище таилась его гибель. Он руками своих палачей разрушил в конце тот партийный базис, на котором выросло его единовластие, но который отказывался и не мог служить закреплению и увековечению этого единовластия. Но ему уже не удается утвердить свое единовластие на «всенародном» основании. Из орудия закрепления сталинской диктатуры, каким она была задумана, «демократическая» конституция становится орудием ее разрушения, и весь вопрос сводится теперь к тому, что на место этой обреченной диктатуры придет.

Самые жизненные интересы трудящихся масс и Советского Союза, и всего мира требуют того, чтобы были ликвидирована не сталинская лишь диктатура, а режим «тоталитарной», бюрократической и террористической диктатуры вообще, и чтобы на смену этому режиму пришел режим демократии, которая в социальных условиях Советского Союза никакой иной, кроме демократии трудящихся быть не может. И основной вывод из сталинского поражения тот, что трудящиеся Союза могут, а потому и должны воспользоваться тем орудием, которое дает им в руки новая конституция, чтобы твердыми шагами идти к этому великому, поистине всемирно — историческому завершению великой русской революции.

П. ГАРВИ.

## Разгром советской дипломатии

Канун выборов по новой советской конституции ознаменовался огульной «чисткой» дипломатического ведомства, которую нельзя иначе расценивать, как разгром советской дипломатии.

О «снятии с постов» и аресте виднейших руководителей Наркоминдела в Москве — Крестинского, Карахана и Розенгольца — сообщалось уже давно. В самое последнее время приходят сенсационные известия об аресте Юренева, долгое время бывшего полпре-

дом в Японии и всего лишь несколько месяцев тому назад назначенного полпредом в Берлин; полпреда в Варшаве Давтяна; недавно назначенного послом в Турцию Карского; полпреда в Риге Бродовского; полпреда в Ковно Подольского; полпреда в Гельсингфорсе Асмуса; полпреда в Китае Богомолова и др. Еще раньше был отозван из Барселоны и по слухам арестован Антонов-Овсеенко, игравший в республиканской Испании столь же замет-

ную, сколь и роковую роль. В иностранных кругах Москвы ходят слухи о предстоящем отзывании полпреда в Лондоне Майского и даже о закате самого Литвинова, которого предполагается будто бы заменить Потемкиным. «Чистка» распространяется и на второстепенных персонажей полпредств, на их советников, на военных атташе, на заведывающих отделами печати при полпредствах и даже на связанных с ними заграничных корреспондентов «Правды», «Известий» и других советских газет.

После разгрома верхов Красной Армии с Тухачевским во главе пришла очередь красной дипломатии. Обе эти операции произвели за границей огромное впечатление. Ведь армия и дипломатия это те стороны государственности, которыми всякая страна повернута к внешнему миру. История знает случаи массовой смены дипломатов, но только при крутой смене власти или при радикальной перемене внешней политики. И вот во всем мире задаются теперь вопросом: знаменует ли собою разгром дипломатического ведомства советов грядущую перемену внешней политики Сталина, — и если да, то в какую сторону?

Ибо кто же может поверить, что все почти полномочные представители великой державы оказались внезапно изменниками родине и революции, продажными шпионами, тайными агентами враждебных Советскому Союзу государств? Говорят о готовящемся процессе дипломатов. Если такой показательный процесс и состоится, если подсудимые на нем «сознаются» в государственной измене, если они в припадке приказанного раскаяния будут требовать и добьются для себя смертной казни, то и тогда — и, пожалуй, именно тогда — внешнеполитический эффект этой кроваво-грязной инсценировки будет столь же катастрофическим для престижа Советского Союза, как и последствия предыдущих «судебных» расправ с верхушкой правящей партии и с головкой Красной Армии.

Как и во время прежних «шпионских» процессов, мировое общественное мнение и сейчас стоит перед дилеммой: Или верно, что столь многие советские дипломаты оказались на поверку изменниками и шпионами, — в таком случае мыслимо ли вести ответственные дипломатические переговоры с их, той же властью назначенными, преемниками? Или все это неправда, — в таком случае можно ли считать устойчивым тот режим, который в интересах самосохранения не останавливается перед оклеветанием и истреблением полномочных представителей государства за границей? Уже самая возможность такой дилеммы безмерно ослабляет престиж Советского Союза, подрывает веру в его обороноспособность у союзников и разнуздывает захватнические аппетиты у его врагов.

В борьбе за сохранение своей диктаторской власти Сталин готов пожертвовать даже высшими интересами родины и революции. К сожалению, в современной обстановке международного маразма и полной расшатки морально-политических устоев сожительства народов Сталину особенно стесняться не приходится. Но кроме циников буржуазно-реакционной дипломатии на Западе имеются еще народные массы, которые едва ли смогут освоиться с мыслью, что красная дипломатия, в течение двух десятилетий представлявшая страну революции и ныне считающаяся призванным орудием мира, оказывается разведенной гангреной измены, контрреволюционности, фашизма. Наконец, имеется еще и русский пролетариат и весь многомиллионный «советский народ». Примирятся ли они внутренне с тем, что ко дню двадцатилетнего юбилея Октября советская дипломатия оказывается — гнездом изменников?

\*\*\*

Смена лиц — перед сменой политики? Так, в сущности, если принять во внимание универсальный характер чистки, стоит вопрос не только в отношении дипломатического ведомства, но и в общегосударственном масштабе. Эта универсальная чистка, сопровождающаяся массовым выдвижением людей без собственного партийно-революционного мандата на занятие освободившихся постов и целиком обязанных своим возвышением милости диктатора, в корне отлична от прежних перемен в личном составе того или иного ведомства.

В Наркоминделе перемены в личном составе бывали и раньше — и довольно часто. Кривоколенные изгибы красной дипломатии на протяжении двух десятилетий нередко сопровождалась сменой отдельных лиц. Сверх того дипломатические посты за границей одно время систематически замещались опальными оппозиционерами (Коллонтай, Крестинский, Раковский, Сокольников и др.) — советский патриотизм оппозиции стоял вне спора. Полпредства превратились не то в места почетной ссылки, не то в подобие штрафного батальона. Но постепенно, по мере возвышения Сталина и сосредоточения в его руках всей полноты власти, оппозиционеры из полпредств переводились то в тюрьмы, то в ссылку, а их места все чаще замещались ренегатами других партий, Майскими и Трояновскими, Хинчуками и Сурицами, политические «досье» которых, хранящиеся в архивах ГПУ, служили Сталину достаточной гарантией их безличной исполнительности и безотказной послушности, заменявших личную преданность диктатору.

Все эти люди, сменившие высокие принципы на высокие посты, усвоили сталинское положение о социализме в одной стране, из которого Литвинов послушно — и последовательно — сделал внешнеполитический вывод о «мирном сосуществовании» социалистической страны с капиталистическим окружением, т. е. о практическом отказе от ставки на мировую революцию. Они быстро ассимилировались в этом окружении и старались ассимилировать с ним внешнеполитически свое «социалистическое» отечество. Они беспринципно проделывали все зигзаги и курбеты сталинской внешней политики: скрепляли договоры дружбы с Гитлером и Муссолини и одновременно подготавливали вхождение в Лигу Наций и сближение с презренной Антантой. Но при всем том — и при всей своей беспринципности — этот слой чиновных дипломатов и дипломатических чиновников, типичным представителем и руководителем которых был и остается Литвинов, был связан с революционным прошлым, с партией, в которой они искони состояли или запоздало обрели себе политическое пристанище. Все это люди с традициями и навыками политических деятелей, знавших времена Ленина и Троцкого, Каменева и Зиновьева, Бухарина и Рыкова, и не могущих, хоть про себя, хоть промеж себя, не делать сравнений, нелестных и потенциально опасных для Сталина.

И вот на смену этих дипломатов-профессионалов, за которыми нельзя не признать знания своего дела и немалых заслуг по улучшению внешнеполитического положения Советского Союза, приходят выдвиженцы без профессиональной школы дипломатии, но зато и без оглядки на прошлое и без заглядки в будущее, — голые «дети сталинской эпохи», всем обязанные «вождю народов» и приносящие с собой запас напористой беспринципности и казенного ура-патриотизма, который заменяет им и сланный в архив интернационализм, и подлинное понимание интересов революционной страны.

И в первые годы революции на посты дипломатов назначались новички в этом деле из партийных литераторов и подпольщиков. Это было понятно и неизбежно. К тому же и сама красная дипломатия сводилась в то время больше к декларативной работе «через головы правительств» — это было как бы легальное дополнение к нелегальной работе Коминтерна с общей установкой на раздувание пожара «мировой революции». Но сейчас, на закате революции, эти назначения вчерашнему неизвестным учителям (Никитина в Эстонию, Зотова в Латвию) на смену дипломатам-профессионалам из школы Чичерина и Литвинова носят совершенно другой характер. Тогда это был набор революции — пусть утопической и террористической. Теперь это похоже больше на набор контрреволюции, подготовляемой сталинской политикой плебисцитарного цезаризма.

С этими дипломатами можно будет уже без стеснения предпринять любой поворот во внешней политике. С этими дипломатами будет легче вести азартную игру «на два табла», на Францию и на Германию. С этими дипломатами удобнее будет делать под сурдинку или прикрывать дипломатической неприкосновенностью «новую» коминтернскую политику подпольного гангстерства (дело Рейса и тому подобные деяния), неожиданным образом дополняющую политику единства действий и Народного Фронта. Ибо эти дипломаты не будут обременены иным чувством ответственности, кроме как перед своим повелителем.

Ну, а Литвинов? Единственный уцелевший от «карающего меча революции» ближайший соратник Ленина еще из тех далеких времен, когда Сталин был на Кавказе всего только скромным пропагандистом «в уездном масштабе»? Литвинов, своим трусливым молчанием покрывший моральные, политические и физические убийства подпольщиков партии, подготовителей Октября, строителей социализма, — всех своих друзей и соратников с Зиновьевым и Каменевым во главе? Его

пока не трогают. Он внесен даже в списки кандидатов на выборах в Верховный Совет. Его при случае возвеличивают в советских радиовещаниях. Но вокруг него создана уже пустота. Его ближайшие помощники сняты с постов. Налаженный им аппарат советской дипломатии подвергнут разгрому. Его международный авторитет поколеблен устранением всех, подобранных им, работников. Он может еще купить отсрочку дальнейшим предательством уцелевших соратников. Но дни его сочтены. Самая известность, авторитет и заслуги Литвинова, как и его партийно-революционное прошлое, делают его подозрительным. Новую политику — внутреннюю и внешнюю — Сталин хочет делать с новыми людьми.

Внешняя политика является «в конечном счете» продолжением внутренней политики. «Ножницы» между той и другой возможны, но не надолго. Оторвавшись от классов, сделавших революцию, и кастрировав партию, руководившую советским государством, как впрочем и все массовые организации трудящихся, персонифицированная диктатура фатально становится орудием ликвидации революции в интересах новой бюрократии и новых социальных верхов, сложившихся на почве двух пятилеток. Каков будет внешнеполитический аспект такого безнародного завершения революции, покажет недалекое будущее. Но уже сейчас сталинская политика плебисцитарного цезаризма, взращиваемая на дрожжах ура-патриотизма, дает основание предчувствовать анти-демократическую и анти-социалистическую смену вех на путях внешней политики, — если только народ, перестав безмолвствовать, не предупредит вырождения сталинской диктатуры в бонапартистско-фашистскую.

---

**ТОВАРИЩ,  
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ**

---

**Р. АБРАМОВИЧ.**

## Советская Россия и пролетарское единство

(Окончание).

### Единый фронт и органическое единство.

Практика единого фронта, вошедшая в жизнь прежде всего во Франции, начиная с 1934 года, была — для обеих сторон — своего рода «браком по расчету».

Повелительные требования практической необходимости, в частности необходимость дать немедленный отпор наступлению реакции, продиктовали во Франции тактику единства действий. Опыт Германии, да и самой Франции, с достаточной наглядностью показали и социалистам и коммунистам (последним, правда, со значительным опозданием), что самым крупным козырем в руках реакции, может быть, даже ее единственным шансом на победу, является междоусобная борьба в среде пролетариата. Никогда Гитлер не победил бы с такой легкостью, да, может быть, и вовсе не победил бы, если бы коммунистическая партия в Германии с такой энергией безумия и слепоты не подрубала своим «левым» топором того дерева Веймарской республики, которое объединенная германская реакция во главе с Гитлером подпиливала «справа». Только навязанная германской социал-демократии одновременная борьба на два фронта —

против гитлеровского путча, с одной стороны, и подготавливаемой германскими коммунистами «пролетарской революции», с другой стороны, обессилила ее до такой степени, что она оказалась в состоянии полного паралича к моменту решительных действий. Но то же раздробление сил пролетариата привело в этот самый момент и к тому, что парализованной и неспособной к действиям оказалась и сама германская компартия. Да и в самой Франции, в февральские дни 1934 года, республика оказалась в смертельной опасности и буквально повисла на волоске в те два критических дня (7 и 8 февраля), когда коммунистические рабочие вместе с лево-роковскими молодцами демонстрировали на улицах против правительства «социал-соглашателей» и «социал-фашистов». Лишь к 12-му ноября, когда, под мощным давлением социалистов, французские коммунисты опомнились и в полном противоречии к тактике германских коммунистов в 1932-33 году, стали вместе с социалистическими рабочими демонстрировать против Де Ла Рока и за буржуазную «Третью Республику», — только в этот момент стало ясно, что дело Круа де Фэ и Тардые проиграно, и республика спасена.

Этот суровый урок не прошел даром для обеих пролетарских партий во Франции. Результатом его явил-

А. ЮГОВ.

## Предпосылки построения социализма в России

(Окончание).

Мы дали в нашей прошлой статье оценку экономических и социальных факторов в СССР и пришли к выводу, что эти факторы в настоящее время в основном благоприятствуют, и уж во всяком случае не препятствуют, социалистическому строительству в СССР.

И однако в современной России все же еще нет необходимых и достаточных условий для установления социалистического строя, если ему на помощь не подоспеет социальная революция в других передовых странах. Нет необходимых условий для строительства социализма, но не в области производительных сил, как уверяют нас некоторые товарищи, по инерции повторяющие когда-то верные, но теперь устаревшие доводы, а в политической, идеологической, культурной и психологической областях.

Роль экономических и социальных факторов основная, решающая, но лишь в конечном счете! В странах, где для этого созрели экономические условия социализм восторжествует, но когда это произойдет, в каких формах, преодолевая какие превратности и попятные движения—это находится в зависимости от многих, совсем не экономических факторов. Роль так называемых вторичных факторов очень велика. Долгие десятилетия именно эти вторичные факторы препятствуют тому, чтобы в Англии и САСШ, где экономика уже давно созрела, победил социалистический строй! Разве одними экономическими факторами можно объяснить крушение в Германии социалдемократического движения и победу национал-социализма?

Чтобы понять эти исторические факты нужно при-

влечь к анализу, кроме факторов экономических, еще очень сложный клубок факторов политических — международных и внутренних —, культурных, национальных, психологических и других.

Это не пересмотр марксизма, а лишь напоминание его сущности.

Для доказательства достаточно привести лишь отрывок из письма Энгельса к Блоху, 21 сентября 1890 г. (Изд. «Московского Рабочего», 1923).

«Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в **конечном счете** является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего не утверждали. Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является **единственным** определяющим моментом, тогда это утверждение превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение это основа, но на ход исторической борьбы оказывает влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: — политические формы классовой борьбы и ее результаты — конституции, установленные победившим классом после одержанной победы и т. д., правовые формы, и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников — политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения, их дальнейшее развитие в систему догм... Имеется налицо взаимодействие всех этих моментов, в котором в конце концов экономическое движение, как необходимое, прокладывает себе дорогу сквозь бесконечную толпу случайностей... Мы делаем свою историю сами, но мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими. Но и политические условия и т. д., даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую... Маркс и я были виноваты отчасти в том, что молодые марксисты иногда придавали больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам прихо-

ся «пакт» 15 июля 1934 года, который впоследствии привел к образованию Народного Фронта и правительства Леона Блюма.

Аналогичную эволюцию, но только в неизмеримо более трагических условиях, в обстановке кровопролитной гражданской войны, проделали и социалисты и коммунисты в Испании.

Но такой, из практической целесообразности или политической необходимости рожденный единый фронт по самому существу своему бесперспективен. Две соц. рабочие партии не могут бесконечно долго сосуществовать рядом, не ведя политической борьбы друг с другом. Они должны или снова вернуть себе «свободу действий», разорвав пакт соглашения, или же слиться, осуществив «органическое единство». Единый фронт мог бы послужить исходной точкой нового этапа развития к пролетарскому единству, если бы на почве его могло создаться постепенно то психологическое и идейно-политическое сближение, которое является необходимой предпосылкой для полного организационного слияния обоих крыльев рабочего движения. Многие социалисты именно под этим углом зрения подходили к проблеме единого фронта. Этим подходом в значительной степени объяснялась и та политика «бережения» единого фронта, которая фактически сводилась к полному отказу социалистических партий от самостоятельной позиции во всех вопросах, касающихся принципиальных разногласий с коммунистами, и полному прекращению какой бы то ни было критики русского большевизма.

Нетрудно было видеть, и дальнейшее развитие этот диагноз полностью подтвердило, что в этом подходе имеется внутренний органический порок, глубокое внутреннее противоречие, которое осуждает эту теорию на полное крушение.

\*  
\*  
\*

Для того, чтобы сторонники единого фронта в его более широком принципиальном, а не практически-опportunистическом понимании, могли оказаться правыми; для того, чтобы на почве, удобренной практикой единого фронта, могли органически вырасти необходимые психологические и идейные предпосылки для дальнейшего развития к полному единству, — для этого было необходимо, чтобы и социалистическое и коммунистическое крыло рабочего движения имели возможность свободного, независимого, автономного развития в ту сторону, в какую их толкает обстановка их страны. Между тем, для каждого беспристрастного исследователя с самого начала было ясно, что такого рода свободы внутреннего развития, такой идейной и организационной автономии не было и не могло быть в рядах французского или испанского коммунизма. Нужно иметь совершенно нереальное, утопическое представление о состоянии послевоенного рабочего движения в Европе, чтобы игнорировать то состояние подчинения и зависимости, в котором находится официальный коммунизм любой европейской страны по отношению к тому могущественному центру всемирного коммуниз-

дилось, возражая нашим противникам, подчеркивать **главный принцип**, который они отрицали и не всегда находилось достаточно времени, места и поводов отдавать должное и остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до изображения какого-либо исторического периода, т. е. до практического применения, дело менялось и тут уж не могло быть никакой ошибки...»

Значение вторичных факторов в современном СССР особенно велико, ибо в России происходил и происходит не обычный процесс органического развития производительных сил с соответствующим, хотя бы и запаздывающим, развитием так наз. надстройки: политики, духовной жизни, психологии, а процесс насильственного форсирования экономики, процесс, нарушивший все обычные взаимоотношения между разнообразными факторами человеческого общежития. Экономика сделала в СССР прыжок в 50 лет, социальные отношения были принудительно «начерно» вогнаны в рамки плана социализации, все же остальные факторы оказались совершенно невозможным заставить двигаться такими темпами и в том направлении, как бы это было при сохранении органической связи с экономикой.

Вот уже почти двадцать лет, как советская власть ведет жестокую и бесконечную борьбу с этими прорывами и противоречиями: последствиями форсированных темпов экономики!

\*\*

Каково же состояние вторичных факторов в современной России?

Революция, социализация и диктатура оказали громадное, хотя часто и противоречивое, влияние на психологию широких масс населения. Крушение вековой монархии, ликвидация целых классов, гражданская война, интервенция, зигзаги советской власти, радикальное изменение хозяйственных основ — привили населению понимание изменчивости политических и экономических форм и сознание продолжающейся революции. Отсутствие частнокапиталистических классов, уза-

коненной спекулятивной наживы, сословных и социальных преград, ликвидация национального неравенства, широкие возможности для продвижения вперед молодежи — усвоены большинством населения, как величайшее благо. Больше половины населения активных возрастов воспиталось в условиях советского строя. Инерция и традиция уже работают за советский строй, а не против него.

Но большое влияние на психологию населения естественно оказывают материальные лишения и непрестанный террор власти. Тяжелая нужда в годы военного коммунизма. Зигзаги Нэпа и генеральной линии. Жертвы во имя пятилетки, столь жестоко неоправдавшей надежды на улучшение. Низкий прожиточный уровень масс и вновь растущее неравенство. Расстрелы, ссылки, снятие с постов. Моральный гнет и в крупном и в мелком.

Все эти обстоятельства даже в среде рабочих создали настороженность к большевистским темпам и к насильственным методам социализации. Еще более тревожно и недоверчиво относится к социализации крестьянство, пережившее за годы советской власти ужасы продразверстки, раскулачивание, насильственную коллективизацию, голодание и вымирание миллионов. Слишком часто социализм для них выражался в отнятии продуктов их труда и сливался с ликвидацией всякого частного хозяйствования, вплоть до крестьянского.

Для того, чтобы переломить это естественное недоверие, для того, чтобы обеспечить хотя бы нейтралитет крестьянства необходимы отчетливые факты новой политики, которые убедили бы крестьянство, что социализация на долгие годы не посягнет на их крестьянское хозяйство. Свободные колхозы, подчинение МТС колхозам и право крестьянства на продукт их труда — неперемennые условия для восстановления симпатий крестьянства к революции.

За годы революции произошел громадный подъем общей культуры населения. Наиболее действенным стимулом были, конечно, сами революционные со-

ма, каким является большевистская диктатура в России. В коммунистическом движении отдельных стран за последние 17-18 лет неоднократно возникали тенденции, вытекавшие из внутринационального развития и толкавшие данную коммунистическую партию в сторону, расходящуюся с официальной московской политикой. Но мы слишком хорошо знаем, чем все подобные расхождения кончались. Пуская в ход всю свою материальную мощь, весь свой престиж и все свое морально-политическое влияние, Москва каждый раз справлялась с возникающей оппозицией. Правда, ей для этого иногда приходилось разбивать вдребезги с таким трудом созданную организацию, раскалывать движение, подрывать мощь коммунизма в данной стране, нанося непоправимый вред своему собственному делу, — но не было еще случая, чтобы Москва перед этим остановилась. Сохранение своей абсолютной гегемонии, удержание национальных коммунистических секций в состоянии полной идейной и политической зависимости от Москвы, — это для Коминтерна всегда было наивысшим законом, перед которым отступали на задний план все прочие доводы и соображения. Если мы даже представим себе невероятное — успешный бунт какой-либо значительной секции Коминтерна против «центра», и притом — самое невероятное! — бунт, не сопровождающийся расколом, разложением и распадом движения, — то каков был бы практический результат такого происшествия? Эта секция была бы исключена из Коминтерна, объявлена «троцкистской», «предательской», и задача приближения к действительному

единству мирового пролетариата, т. е. к объединению международного социализма с русской революцией, на деле ни на йоту не подвинулась бы вперед. Тот, кто мечтает о такого рода сближении и надеется прийти к нему через единый фронт в отдельных странах, тот должен предварительно принять, как наличную предпосылку, — способность самой Москвы эволюционировать в сторону сближения с демократическим социализмом, и притом не только теоретическую ее готовность, но и практическую способность вступить на этот путь.

Вряд ли развитие сталинской диктатуры за последние полтора года могло утвердить кого-либо в Европе в этом предположении. И недаром со страниц австрийского «Кампфа» раздался подлинный вопль отчаяния в статье тов. Аустриакуса: Сталин, что ты делаешь с нашим единым фронтом! («Соц. Вест.» № 16, 1937).

\*\*

Нельзя яснее охарактеризовать и создавшееся положение и, вместе с тем, полную утопичность и безнадежность охарактеризованной выше позиции, чем это сделано невольно в наивной резолюции, принятой на недавно состоявшейся в Австрии нелегальной конференции австрийских «революционных социалистов»:

«Конференция повторяет, что целью политики единства рев. социалистов является создание единой партии австрийского пролетариата, самым тесным образом связанной с русским пролетариатом и Советским Союзом,

бытия. Жизнь остро поставила и потребовала ответов на сложнейшие вопросы. Революция разбудила и приобщила к жизни самые глухие углы и самые отсталые народности. Но и политика советской власти несомненно была направлена на поднятие культурного уровня населения. Безграмотность почти ликвидирована. В городах и деревнях увеличилось число школ. Возросло количество высших учебных заведений, общих и специальных. Степендии и другие формы помощи государства облегчили возможность образования для рабочих и крестьян. Пробуждены к духовной жизни небольшие, казалось вымиравшие, народности.

Необходимость иметь квалифицированные кадры для заводов и госучреждений побудила советскую власть особенно поощрять техническое обучение, специализацию и переквалификацию.

Все наблюдатели современной России говорят: «вся страна учится, и старые и малые». У населения пробудилась острая жажда знания. Лаборатория, электростанция, полеты, покорение полюса — мечта каждого молодого рабочего или колхозника.

Но рядом с этими несомненно положительными фактами следует отметить и много явлений отрицательного порядка. Образование получило очень широкий, почти стихийный разлив, но качество этого образования, его глубина, его характер заставляют желать еще очень многого. Большинство начальных школ, даже и тогда, когда они называются гимназиями, поставлены очень плохо, и дают учащимся очень мало основных знаний. Университеты выпускают полуобразованных людей. Вместо врачей — зауряд-врачей, вместо ученых — зауряд-ученых. Все делается наспех, нет выпуска законченных специалистов, пригодных к самостоятельной работе. Даже в области технической — среди молодых инженеров мало способных на конструктивную, творческую работу, особенно в тех масштабах, которые требуются грандиозными размерами индустрии и социалистического строительства. И не слу-

чайно, что наиболее ответственные стройки последних лет выполняются почти исключительно под руководством иностранных специалистов или русских инженерских поколений, уже заканчивающих свой жизненный путь.

Стремительное поднятие уровня производительных сил, радикальное переустройство страны требуют разнообразного научного самостоятельного творчества, а вся советская обстановка поощряет лишь прикладную учебу, лишь своеобразный американизм и научные исследования лишь в пределах директив начальства.

У молодежи острое стремление к науке, к культуре, к творчеству, но тернистый путь сперва к вузу, затем духовный гнет в вузе в большинстве случаев научает ее ограничивать пределы своих духовных исканий. Власть повсюду держит советского гражданина на короткой узде, подвергая мелочному контролю его научные и технические работы.

В советских условиях видоизменился духовный облик рабочего, его методы борьбы. Диктатура не воспитывает у него ни навыков, ни стремления к борьбе за свои интересы, ни классового самосознания, ни творческой самостоятельности. Решимость и дерзания, свойственные обычно пролетариату, в советских условиях видоизменились, почти атрофировались.

Недовольство направляется лишь в отношении мелких исполнителей, лишь в отношении частных явлений, критическое отношение к большим проблемам — притупилось, боязнь репрессий и агитация убили потребность понять коренные причины отрицательных явлений.

Большие массы советской молодежи принимают все то, что им несет коммунистическая агитация без критики, с полным доверием, окружают «вождей» мистическим обожанием, и предоставляют им определять всю политику страны. Весь свой энтузиазм молодежь отдает зачастую полностью хозяйственному строитель-

но независимой от московских политических директив»... (К. И.).

Партия революционных социалистов Австрии до сих пор никогда еще не делала различия между «Советским Союзом» и сталинским правительством, между «русским пролетариатом» и большевистской диктатурой. Никогда и нигде она, как таковая, не вскрывала перед австрийскими рабочими отрицательных сторон сталинизма и террористической диктатуры в России; ни разу и нигде еще не выдвинула требования демократизации этого строя, его решительного разрыва с методами террористического господства над трудящимися массами. Следовательно, принимая эту резолюцию, австрийские товарищи хотят, чтобы объединенная пролетарская партия Австрии сохранила самую тесную связь со Сталиным, а значит и с его аппаратом, но чтобы она в то же самое время никоим образом не зависела от политических директив Сталина и его аппарата!

Можно ли представить себе большую утопию!? Ведь это впрямь «республика с нашим добрым королем во главе»...

Тот, кто считает с реальностью, должен исходить из того, что в тех условиях, которые существуют в настоящее время в Сов. России и Европе, коммунистического движения, связанного с Москвой, но идейно и политически от него независимого, быть не может. Следовательно, всякая коммунистическая партия в Европе, когда она входит в единый фронт с социалистической партией своей страны или соглашается на организаци-

онное слияние с ней, делает это лишь во исполнение определенных директив Москвы. Но эти директивы никогда не могут быть такие, чтобы допустить выход из повиновения Москве той «объединенной пролетарской партии», которая возникнет в результате слияния старых партий!

\*\*\*

Вот почему все теоретически совершенно правильные рассуждения «о пользе стекла», то-бишь о полезности и необходимости пролетарского единства и о предпочтительности единения расколу, в данных условиях не могут быть ничем иным, кроме благочестивых пожеланий, которыми, как известно, вымошен путь в ад.

«Vernunft wird Unsinn, Wohltat Plage.»

Разумное становится бессмысленным, благодеяние — бедствием.

Чтобы совершенно отчетливо уяснить себе положение, попробуем себе представить, что получится во Франции, если, наперекор всему, здесь в ближайшем будущем осуществится то «органическое единство», о котором так часто и так много твердят и в коммунистической и в социалистической печати.

С точки зрения внутрипартийной, дело будет обстоять так: Компартия Франции насчитывает теперь свыше 300.000 членов, Соц. партия — 200.000. Так как социалистическая партия вряд ли пойдет целиком на объединение с коммунистами, то в объединенную партию волеются максимум 150.000 социалистов и 300.000 коммунистов. Это сразу сделает коммунистов

ству, профессиональной работе и прикладной науке. Те же, кто не может примириться с духовным и моральным террором, отбрасываются в своем большинстве к индивидуалистическому отрицанию всего, к анархическому бунту или к религиозному мистицизму.

Из-за чрезвычайных темпов в экономике, из-за построения социальных форм террором, создалась с одной стороны неустойчивость самой социально-экономической базы, ее неполноценность, ибо технический скелет экономики не оброс, не заполнился всеми тканями, всеми нервами разнообразной человеческой жизни, но с другой стороны определился глубокий разрыв между этой, по форме социалистической, базой и культурным и психологическим состоянием и уровнем того человеческого материала, который призван быть творцом социализма. Экономика на уровне передовых стран, культура же расцвела широко, буйно, но недостаточно глубоко и качественно неполноценно.

Трагическое противоречие!

Но оно особенно решающе в области политической. Диктатура форсировала развитие экономики. Рост производительных сил, ценою вымирания населения и за счет неудовлетворения самых насущных нужд населения, мог совершаться лишь в условиях диктатуры. Диктатура добилась в экономике несомненных успехов. Но создался глубокий разрыв между экономикой и политикой. В условиях органического развития, высокий уровень экономики обязательно создал бы и соответствующие формы демократии. За темпы сверхобычные Россия расплачивается усилением диктаторских методов. Террор направляется, по воле диктатуры, то на определенные слои, то на все население в целом. Диктатура изжила себя, как революционный фактор, она все больше и чаще противопоставляет себя революции, но она продолжает существовать, чтобы обеспечить власть в руках диктаторов. \*Из факторадвигающего революцию вперед, диктатура превратилась в силу регрессивную, препятствующую и политике и духовной жизни страны подняться, приспособиться, подтянуться

полновластными хозяевами новой партии, несмотря ни на какие оговорки и «джентельменские соглашения» в момент объединения. И так как французские коммунисты никогда в независимости от Москвы не клялись и к ней не стремились, то совершенно ясно, что фактическим хозяином этой объединенной партии, при помощи всем нам хорошо знакомых методов (специальных эмиссаров; конспиративных ячеек, действующих за ширмами подставных официальных комитетов; морального давления; запугивания; вызовов в Москву одних неугодных лидеров, и прямого коррумпирования других и т. д.) через самое короткое время, или даже с самого начала, окажется тот же сталинский аппарат. Это означает, что партия фактически, несмотря на дымовую завесу благочестивых резолюций и пышную декорацию, созданную из Блюма, Брака, Жиромского и других именитых социалистов, фактически окажется послушной исполнительницей московских директив, т. е. новым изданием все той же старой коммунистической партии. И так как несомненно, что такого рода тактика наткнется на сопротивление в рядах новой объединенной партии, то в ней начнется полоса чисток, исключений, отколов, оппозиций и т. п., — в полной аналогии с тем развитием, которое в свое время, после ноября 1920 года, было проделано в Германии объединенной коммунистической партией, созданной из слияния Независимой Соц. партии и «спартакистов». Через не очень долгий промежуток времени окажется, что в новой объединенной рабочей партии вместо 450.000 окажется всего 300 или 200 тысяч, а отколовшееся

к социально-экономическим формам, по внешности социалистическим.

За методы Октября — неустойчивость складывающихся социально-экономических форм. За методы Октября — ужасное, сверхсметное напряжение, принесенное населением в период форсирования производительных сил. За методы Октября — попираание демократии и всякой свободной духовной жизни. За методы Октября — трудящиеся платят сейчас дорогую цену: после 20 лет революции в России создался режим единоличной диктатуры.

Таким образом, анализ состояния современной России показал, что в то время, как производительные силы находятся на уровне вполне достаточном для строительства социализма, более того, во многом сходны с формами социалистического общества, психологические, культурные факторы и политические условия не только далеко не созрели для социализма, но во многом ему враждебны. Главное препятствие — диктатура. Здесь — реальная угроза всей революции, всем социальным завоеваниям ее, всем элементам социализма в экономических и социальных отношениях.

\*\*\*

Та хозяйственная и социальная система, которая сложилась в современной России имеет как мы сказали выше много элементов, по форме приближающихся к социалистическим. Но она не система социализма, потому что основным условием социализма является не только передача орудий производства в руки коллектива, но и самостоятельное и решающее управление производителями этим коллективом, в данном случае государством.

Частные капиталисты более не владеют в России орудиями производства, более того, основные капиталистические классы совершенно в СССР ликвидированы. Но

при объединении правое крыло социалистической партии за это время вырастет до 100 тысяч и т. д. Сказка про белого бычка начнется сначала.

Со стороны общеполитической объединение социалистов и коммунистов во Франции будет, вероятнее всего, фактически означать конец Народного Фронта. Несмотря на националистическую фразеологию, усвоенную за последнее время французской компартией и на проявляемую ею совершенно сверхестественную «любовь к французскому отечеству», французский коммунизм, благодаря всему опыту прошлых лет, в особенности, благодаря политике сталинизма в России, не пользуется доверием широких народных масс и не обладает достаточным морально-политическим престижем, чтобы играть руководящую роль в политике страны. Кто бы первый ни сказал «а» в вопросе о Народном Фронте (возможно, что это сделали как раз коммунисты), фактической основой и морально-политическим цементом Народного Фронта во Франции является социалистическая партия, искренность, честность и моральная чистота которой составляют единственно серьезную гарантию того трехпартийного соглашения, каким в сущности является Народный Фронт. В тот момент, когда французская социалистическая партия, как независимая и самостоятельная единица, исчезнет, растворившись в обще-коммунистическом море, исчезнет и базис Народного Фронта. Трудно себе представить, чтобы радикалы-социалисты пошли на двухпартийное соглашение, на блок с объединенной коммунистической партией, в которой, как им доподлинно бу-

и рабочие попрежнему не хозяева над орудиями производства, они не распоряжаются ими ни сами, ни через своих представителей, их роль в хозяйственном процессе попрежнему роль лишь продавцов своей рабочей силы, пролетариев, получающих заработную плату.

Орудия производства в СССР принадлежат государству, которое все более замещается, поглощается, сливается с правящим слоем бюрократии. Именно этот слой распоряжается орудиями производства, он определяет долю рабочего класса в создаваемом его трудом народном доходе. Эту социально-экономическую форму в социалистической среде называют государственным капитализмом. Вокруг этого названия создались недоразумения. Советскую систему смешивают с двумя другими системами, которые также в некоторых кругах называют государственно-капиталистическими. Некоторые социалистические экономисты называют государственным капитализмом такой капиталистический строй, при котором класс частной буржуазии, финансовой и промышленной, оказывает настолько решающее влияние на государственную власть, что полностью подчиняет ее себе. Это строй «железной пяты», при котором биржа и центры промышленников открыто командуют в министерствах и диктуют государственной власти свою волю. Но государственным капитализмом называют часто и хозяйственные системы современных Германии и Италии, в которых государство вмешивается в хозяйственную деятельность частных собственников в интересах тоталитарного государства.

Тот строй, который сложился в современной России, и по хозяйственной системе и по социальной сущности, резко отличен от обеих этих форм деградирующего капитализма. Огосударствление орудий производства, ликвидация имущих классов, радикальное изменение обычной социальной пирамиды, планирование с целью строительства социализма, все эти, несомненно

существующие в СССР, факторы, делают советскую хозяйственную и социальную систему совершенно противоположной системам фашизма, несмотря на черты сходства в их общем стремлении к тоталитарности, в их методах террористического управления. Ограничение частнохозяйственной свободы и другие элементы планирования в фашистских режимах имеют явно временный, подчиненный военным целям характер, ни в малой мере не посягающий на основы частного хозяйства.

После того как содержание термина государственный капитализм нами разъяснено, мы можем его с правом применять к системе, установившейся в СССР.

Если мы оценим действительность так, как она есть, то режим в СССР не социалистический, не частнокапиталистический. Его нельзя назвать также переходным к социализму, ибо факты показали, что советский режим сам по себе не развивается в направлении демократии, а перерождается в единоличную диктатуру, так что в СССР не происходит «доразвития», созревания демократии, фактора необходимого для социализма и отсутствующего в современном СССР.

Систему, сложившуюся в СССР, мы должны называть государственным капитализмом, т. е. строем, при котором продолжают существовать наемный труд и товарное хозяйство, но государство заменило частных капиталистов. Этот режим может эволюционировать и в направлении частичной реставрации частнокапиталистических форм и в направлении к социалистической системе, в зависимости от внутренних и международных политических событий.

\*\*\*

Какова же должна быть позиция рабочего класса в условиях современного советского строя? Какова же должна быть тактика социалдемократии

лет известно, истинным вершителем судеб будут не Блюм, Венсен-Ориоль, Дормуа и Поль Фор, а Сталин или, еще хуже, присланные им во Францию эмиссары.

Таким образом, Народный Фронт будет сорван, буржуазные классы шарахнутся вправо, и центр тяжести французского правительства переместится в сторону реакции и фашизма.

Таков наиболее вероятный результат объединения пролетарских партий во Франции, — при тех условиях, которые мы очертили выше.

«Разумное становится бессмысленным»...

Но и в области международной рабочей политики реализация пролетарского единства во Франции должна будет, — опять-таки в данных условиях, — привести к совершенно неожиданным, но весьма печальным результатам. Прежде всего, в результате «органического единства» Рабоч. Соц. Интернационал потеряет свою французскую секцию, играющую в нем столь крупную роль. Он потеряет ее даже в том случае, если объединенная партия Франции формально останется, — как в свое время норвежская партия, — вне обоих Интернационалов. Ибо, совершенно независимо от формальной стороны дела, данная объединенная французская партия будет идти фактически в фарватере Коминтерна. Нужно ли указывать на то, каким тяжелым ударом подобного рода положение явится для мирового социалистического движения, при условии (а из этого мы именно и исходим!), что в данной обстановке французское объединение отнюдь не

явится первым шагом к сближению, а затем и к слиянию РСИ с Коминтерном.

«Благодеяние становится бедствием»...

То, что мы указали относительно Франции может быть отнесено, с соответствующими изменениями, и к Испании. Там Компартия, эксплуатируя зависимость испанской республики от военной помощи Советского Союза и пользуясь ослаблением престижа европейской демократии в результате роковой политики «невмешательства», сумела, несмотря на свою сравнительную малочисленность, фактически установить в стране свое террористическое господство. Можно спорить о том, компенсирует ли военная помощь Сов. Союза тот гигантский вред, который господство ГПУ в Испании наносит внутреннему единству испанского пролетариата и всего испанского народа. Но несомненно одно: растворение испанского социализма в коммунизме чекистского толка явится сейчас смертельным ударом для испанской республики, и без того сильно ослабленной внутренними трениями и раздорами. Испанская республика никогда не победит под однопартийной диктатурой возглавляемой ГПУ испанской Компартии. «Пролетарское единство» в Испании сейчас явилось бы по этому величайшим несчастьем для дела испанской демократии, поистине роковым «достижением»...

Итак, ни в стране с режимом демократии, как Франция; ни в стране открытой гражданской войны, как Испания, действительное пролетарское единство сейчас не только неосуществимо, но в случае осуществления явилось бы катастрофой для рабочего клас-

в СССР в борьбе за социализм и интересы рабочего класса?

Ответ вытекает из того анализа, который мы дали экономическим, социальным и политическим условиям России.

Необходимо оберегать все те «элементы социализма», которые сложились в современной России, необходимо бороться против всяких реставрационных попыток, посягающих на основные завоевания революции, но именно поэтому необходимо вести борьбу с диктатурой, которая является и основным препятствием и основной угрозой и социалистическому строительству и демократическому завершению революции.

Диктатура, вчера еще опиравшаяся на широкие круги трудящихся, насильственными методами, но обеспечивавшая форсированное развитие экономики, сегодня стала препятствием на путях хозяйственного развития, стала защищать интересы только того узкого слоя бюрократии, который сегодня держит власть в своих руках.

Во всех социальных группах и классах СССР сейчас идет бурный и еще неоформившийся процесс хозяйственного расслоения и идейных перегруппировок. Наиболее остро и отчетливо этот процесс происходит в среде бюрократии.

Тяга назад сталкивается с стремлениями вперед. Диктатура еще не выражает интересов ни одного пореволюционного слоя, ибо самые эти слои ни социально, ни идейно еще не оформились. Борьба еще идет. Противоречивые интересы сталкиваются. Диктатура пока на распутьи. Она на данном отрезке времени охраняет неустойчивое равновесие пореволюционных сил, находящихся в состоянии оформления. Но она уже не только перестала быть фактором революции и прогресса, но стала явным фактором застоя и разложения.

Не только во имя прекращения духовного гнета и политического террора, но в интересах борьбы за социализм необходимо ликвидировать диктатуру.

Но борьба против диктатуры должна вестись такими методами, чтобы не разбить социально-экономическую структуру, чтобы не создать благоприятных условий для реставрации частного капитализма. Даже

при самом отрицательном отношении к методам индустриализации и коллективизации, теперь, после того, как современные формы и уровень экономики стали фактом, оплаченным трупами и голодом, социалисты не должны брать на себя ответственность за поворот истории вспять. Нужна такая тактика, которая была бы направлена не только на ликвидацию диктатуры, но и на замену ее демократией. Нужен строгий и выдержанный отказ от коалирования со всеми теми силами, которые хотят не только ликвидировать диктатуру, но еще больше хотят ликвидировать всю современную социально-экономическую структуру СССР.

Задача оберегать социально-экономические «элементы социализма» тем более важна для социалиста, что неустойчивое положение во всем капиталистическом мире, большие и малые фазы кризисов, все усиливающаяся реальность новой войны, все растущая агрессивность фашизма, все обостряющиеся социальные конфликты делают неизбежными в ближайшее время широкие революционные движения в крупнейших капиталистических странах.

Если социальная революция начнется в одной из европейских стран до того, как в СССР произойдет bonaпартистский срыв революции, то СССР, опираясь на многообразную поддержку европейского пролетариата, начавшего осуществлять свою социалистическую программу, сможет быстрее и легче преодолеть диктаторскую власть, сумеет развить и укрепить социалистические элементы, находящиеся в его экономической системе.

Русская социалдемократия проявила мужество и чувство ответственности в дни Октября 1917 года. Она все годы советской власти, оставаясь оппозиционной советской диктатуре, никогда не участвовала ни в одном анти-большевистском блоке.

Социалдемократия должна суметь и в ликвидационный период русской революции занять свою самостоятельную позицию, направленную на борьбу с диктатурой во имя строительства социализма, во имя сохранения завоеваний рабочего класса.

са. Не иначе обстоит дело и в стране третьего типа — в стране торжествующего фашизма или полуфашизма, каким является Австрия, и где обе рабочие партии находятся на нелегальном положении. И тут единство, как показывают резолюции упомянутой конференции «революционных социалистов Австрии», отодвигается в туманную даль. И даже сохранение нынешней политики «единства действия» становится все более и более затруднительным, — отнюдь не потому, что социалисты нарушают условия соглашения, возвращая себе свободу критики советской диктатуры, но потому, что «со времени московских процессов австрийская компартия ставит вопрос об единстве действия в зависимости от позиции рев. социалистов к событиям в Советском Союзе и к борьбе внутри Коминтерна» (Инт. Инф., стр. 448). Выгнанные через социалистические двери, проблемы Сов. России возвращаются через коммунистическое окошко...

\*\*\*

Итак, при том развитии, которое происходит сейчас в России, стремление к реализации пролетарского единства является утопией, и притом утопией реакционной. Из этого, конечно, отнюдь не следует, что на-

до отказываться от совместных действий, т. е. от «единого фронта», там, где эта тактика диктуется практическими соображениями или повелительными потребностями момента. Но если социалисты не желают предавать своего собственного дела и своего собственного будущего, они должны помнить, что «единый фронт», основанный на морально-политической и идейной капитуляции социализма, отнюдь не является путем к действительному единству, не только не приближает единства, но, наоборот, его все больше удаляет и потому является величайшей опасностью с точки зрения интересов пролетариата. Путь к «единству» не в кавычках, а к единству реальному лежит через освобождение европейского пролетариата от большевистских иллюзий и возвращение себе идейной свободы и моральной независимости от сталинизма. Только в этом случае европейский пролетариат сможет реально способствовать эволюции Советской России в том направлении демократизации, которое одно только в состоянии создать предпосылки для действительного единства мирового пролетариата.

Ибо самым крупным, практически единственным препятствием к реализации этого единства является политика сталинской диктатуры.

Для этой нашей борьбы мы можем искать силы только внутри рабочего класса, связывать свои надежды только с его самостоятельным движением.

Сегодня еще нет всех необходимых и достаточных предпосылок для построения социализма в СССР, но наша задача оберечь те «элементы социализма», которые создались за эти годы и звать пролетариат на борьбу с основным препятствием на путях к социализму — с диктатурой.

Во имя социализма, за демократизацию советского строя, против диктатуры!

## Живучие иллюзии

Кто внимательно следит за реакцией политически невоспитанных масс, вовлеченных в движение кризисом, тот должен констатировать живучесть иллюзий. Уже неоднократно было отмечено, что фашистская демагогия ловко пользуется кое-какими социалистическими идеями. В Германии демагогия эта дошла до того, что гитлеровцы даже в название своей партии ввели слово «социалистическая».

Сейчас, когда рабочий мир готовится праздновать 90-ую годовщину **Коммунистического Манифеста**, не безынтересно отметить, что фашистская фразеология отнюдь не блещет оригинальностью и что большая часть социалистических идей заимствована фашизмом у до-марксовского социализма — того самого, ошибки и несостоятельности которого Маркс и Энгельс вскрыли в Манифесте.

Удивляться-ли этому? Последствия кризиса известны. Громадные массы были ввергнуты им в беспросветную нищету. В момент высшего развития кризиса, в 1932 году, во всем мире насчитывалось от 25 до 30 миллионов безработных. Массы, не имевшие до тех пор никакой социальной выучки и незатронутые пропагандой социалистической демократии, пришли в движение, начали реагировать против обрушившегося на них бедствия.

И они реагируют так же примитивно, как пролетарии век тому назад, впадая во все возможные и невозможные иллюзии. Поэтому и нетрудно найти в их идеологии немало элементов, напоминающих различные оттенки реакционного, мелко-буржуазного, консервативного и утопического социализма, каким он был до 1848 года.

Говоря о реакционных социалистах, Маркс и Энгельс пишут в **Коммунистическом Манифесте**: «Они сами так мало скрывают реакционный характер своей критики, что главное обвинение, выдвигаемое ими против буржуазии, сводится как раз к тому, что ее режим создает класс, которому предназначено взорвать весь старый социальный строй».

Читая эти строки, как не вспомнить об отчаянных усилиях фашизма «уничтожить» борьбу классов? Как не вспомнить о филиппиках, на все лады варирующих то же самое обвинение, что и реакционный социализм?

Когда фашизм проповедует корпоратизм, как какой-то новый строй, соответствующий требованиям новой эпохи, надо вспомнить, что эту корпоратистскую идею лелеяли уже кое-какие течения до-марксовского реакционного социализма. Характеризуя его программу, Манифест говорит: «Корпоративная система для промышленности; патриархальный режим для сельского хозяйства: вот его последнее слово». Герцог Гиз и граф Парижский, равно как и клерико-фашизм говорят теперь ровно то же самое.

Одна из глав Манифеста посвящена критике того, что называлось тогда немецким или «истинным» социализмом. В этой главе имеются следующие замечания:

«Он (истинный) социализм» гремел традиционной анафемой против либерализма, против парламентского режима, против буржуазной конкуренции, против буржуазной свободы печати, против буржуазного права, против буржуазных свобод и равенства».

Как будто читаешь изложение программы национал-социалистов!

В той же главе находим и такую фразу:

«Он (все тот же «истинный» социализм) провозглашал немецкую нацию образцовой нацией и немецкого филистера образцовым человеком».

Когда Гитлер позволяет себе критиковать Маркса, не читая его, это уже большой кунштюк с его стороны. Но Маркс сделал лучше. Маркс раскритиковал программу Гитлера вот уже 90 лет тому назад, тоже не читая ее и не имев сомнительной чести лично знать Гитлера.

В рамках настоящей статьи невозможно перечислить все

идеи до-марксовского социализма, возрождение которых можно ныне наблюдать. Достаточно напомнить, что идея технократии, занесенная из Соединенных Штатов и распространяющаяся мало-по-малу в Европе, есть не что иное, как переиздание идей Сэн-Симона. Многочисленные валютные иллюзии, возникавшие в ходе кризиса, также смыкаются с до-марксовским социализмом. Наконец, возрождение сектанства и путчизма в некоторых фракциях рабочего движения тоже напоминает о кое-каких течениях до-марксовского социализма.

Все эти иллюзии в конце концов рассеются, когда массы, питающие их, проделают известный опыт. Задача социалистической демократии, опирающейся на свой собственный опыт и на знание прошлого, заключается в том, чтобы помочь жертвам этих иллюзий освободиться от них возможно скорее.

(Из Брюссельского «Пэпль», 12 ноября).

Люсьен Лора.

## ЗАГРАНИЦЕЙ

### К ГОДОВЩИНЕ МАДРИДСКОЙ ОБОРОНЫ.

В ответ на телеграмму, напечатанную в прошлом номере «Соц. Вест.», президиум РСИ получил от т. Негрина следующую телеграмму:

От имени Мадрида и всей верной правительству Испании беру на себя приятную обязанность ответа на манифестацию восхождения и солидарности, так горячо высказанной в вашей телеграмме по случаю годовщины Мадридской обороны.

Народ Мадрида, как и население всей верной правительству территории, продолжает без колебаний навязанную ему борьбу против фашизма и за защиту мировой демократии.

Примите благодарность правительства и мой сердечный привет.

Негрин, министр-президент.

### КОНФЕРЕНЦИЯ АВСТРИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОЦИАЛИСТОВ.

В октябре состоялась в Австрии конференция австрийских Революционных Социалистов, нелегальных преемников Социалдемократической Партии. То была третья нелегальная конференция со времени возрождения движения после кровавых февральских дней 1934 года. Первая, Венская конференция собралась осенью 1934 года; ее задачей было собрание и реорганизация социалистических элементов, решивших, после разгрома австрийского рабочего движения, продолжать борьбу нелегально, и принятие принципиальной декларации, наметившей в общих чертах пути новой партии. Затем имела место общевосточная конференция на грани 1934-35 гг., подтвердившая общие принципиальные положения и сверх того впервые формулировавшая текущие политические задачи партии в условиях нелегальности. Нынешняя октябрьская конференция приняла ряд дальнейших постановлений, ставящих работу партии на прочное основание.

Конференция прежде всего обратилась с воззванием к австрийским рабочим. В этом воззвании рисуется мировая политическая обстановка, созданная провокацией и агрессией международного фашизма:

«Вместо дружного отпора демократические державы противостоят им лишь речи и резолюции, предложения переговоров и свою собственную разногласию. Последнее прибежище их — участие в общей гонке вооружений. Когда Япония оккупировала Манджурию, они послали комиссию; когда Муссолини предпринял грабительский поход на Абиссинию, они препирались в Женеве до тех пор, пока и жалкая попытка экономических санкций не оказалась запоздалой; против войны в Испании они создали постыдный «комитет невмешательства», а против боини, учиняемой над китайским народом, созывают конференцию».

Такая политика, продолжает воззвание, является большой опасностью и для Австрии, потому что поощряет Гитлера к нападению на Австрию в подходящий момент. А между тем австро-фашистская диктатура разгромила социалистическое рабочее движение, единственный оплот против национал-социализма, и вступила на путь политических и идеологических компромиссов с национал-социализмом.

«Пока существует этот режим, никакой гарантии против национал-социализма быть не может... Только рабочие массы борются против национал-социалистической опасности. Они делают это, уже сегодня обращая все свои силы против австро-фашистских предтеч Гитлера в Австрии... Не

авторитарная низость сословной разновидности фашизма, а лишь социалистическая освободительная борьба трудящихся масс может спасти Австрию от ярма национал-социализма».

В постановлении о тактике партии конференция высказывается против иллюзий коммунистов, которые под лозунгом «народного фронта» или «демократической республики» обращаются с предложением союза ко всевозможным слоям, вплоть до невлиятельных групп реакционного лагеря. Она высказывается далее против всяких иллюзорных надежд на возможную перемену курса, на готовность режима к союзу или к сколько-нибудь серьезной так называемой примирительной политике по отношению к рабочему классу и заявляет: «Партия борется за политическую свободу и считает непосредственной задачей этой борьбы восстановление организационной свободы для рабочего движения. Эту борьбу партия связывает с борьбой за экономические и социальные требования масс».

Подробно остановилась конференция на единстве действий с коммунистической партией. Она констатирует, что Р. С. борются за восстановление политического единства австрийского рабочего класса. Но осуществлению этой цели сильно мешает так называемая политика единства, практикуемая коммунистами, так как коммунисты стремятся к «единству под коммунистическим возглавлением». После неудачи этой коммунистической попытки состоялось в мае 1936 г., после длительных переговоров, «соглашение» между обеими партиями. Однако, как констатировала конференция, это соглашение было нарушено коммунистами. Сверх того, после московских процессов К. П. поставила вопросы единства действий в зависимости от отношения Р. С. к событиям в Советском Союзе и к борьбе течений внутри Коминтерна. Резолюция конференции говорит поэтому:

«Конференция повторяет, что целью политики единства, проводимой Р. С., является создание единой партии австрийского пролетариата, теснейшим образом связанной с русским пролетариатом и Советским Союзом, но независимой от политической указки Москвы. Чем менее нынешняя коммунистическая политика позволяет надеяться на скорое достижение этой цели, тем важнее сохранить ныне уже возможное и необходимое единство действий».

«Поэтому конференция постановляет: ЦК уполномочивается к новым инициативным шагам с целью убедить К. П. в гибельности и бесполезности ее нынешней тактики и побудить ее прекратить свою борьбу против Р. С., чтобы существующее единство действий не разрушалось, а делалось более тесным и действенным в интересах социалистической борьбы за свободу против фашистской диктатуры».

Другая резолюция конференции была посвящена позиции партии по отношению к **нелегальным свободным профсоюзам**. Конференция с удовлетворением констатировала тождество тактики партии и свободных профсоюзов в важнейших вопросах текущей политической борьбы и вменила всем должностным лицам партии в обязанность с братской солидарностью поддерживать политически и организационно работу профсоюзов.

В особой резолюции были вынесены решения по вопросам **организационных задач** партии. В декларации о **революционных перспективах** партия с гордостью берет на себя задачу:

«хранить и защищать против всех примиренцев и соглашателей, против настроений пассивности и капитуляции революционное учение великих основоположников научного социализма и их несгибаемый революционный оптимизм. Поэтому, наперекор прищипливой смеси страха и идейной беспомощности, мы, Р. С., считаем своим священным долгом утверждение той истины, что и ныне история не может быть повернута вспять и что лозунг может быть лишь один: посреди всеобщего хаоса, накладываемого самими господствующими классами, создать при посредстве диктатуры пролетариата общественные устои великой эпохи всеобщей свободы, мира и осуществления всех великих чаяний человечества, историческим носителем которой является рабочий класс».

Конференция приняла сверх того пламенное выражение **солидарности с героями испанской освободительной борьбы** и привет товарищам, томящимся в тюрьмах австрийской диктатуры.

Под конец были произведены **перевыборы ЦК**. Выборы производились тайным голосованием на основе списка, предложенного действующей на основании устава избирательной коллегией. Особое постановление конференции по этому поводу отмечает, что «свобода мнений в партии является самым ценным достоянием, членом и повелительной необходимостью в интересах дальнейшего идейного развития, и что при выборе должностных лиц: а) свобода выставления кандидатур и б) тайна выборов являются краеугольными камнями партийной демократии», а также, что «в нашей партии,

лишь только она станет легальной и свободной, свобода выставления кандидатур и тайна выборов будут верховным принципом и прочной гарантией против засилья бюрократии».

## ЕДИНСТВО ДЕЙСТВИЙ ЭСТОНСКИХ СОЦИАЛИСТОВ.

Раскол социалистического пролетариата несомненно облегчил уничтожение демократии в Эстонии в 1934 году. Распавшееся сначала на две, а потом на три группы, социалистическое движение не могло служить опорой демократии. Расколом социалистов было «нейтрализовано» и ослаблено и профессиональное движение.

Под влиянием тяжелых уроков последних лет две из социалистических фракций, старая Социалдемократическая Рабочая Партия (в руках которой, до формального роспуска всех партий правительством, находились центральные учреждения движения) и «Марксистское Рабочее Объединение» пришли к убеждению, что необходимо положить конец раздроблению сил рабочего класса. В сентябре 1936 г. начались переговоры, в мае 1937 было заключено предварительное соглашение, а в сентябре 1937 — окончательный договор об единстве действий.

Договор этот свидетельствует, что обе стороны подвергли свои взгляды известному пересмотру. Старые социалдемократы сказали ясно, что рабочий класс не имеет возможности поддерживать нынешнее правительство, превратившееся в ходе событий в правительство авторитарное. «Марксисты» со своей стороны объявили восстановление демократии ближайшей и исключительной целью объединенного социалистического рабочего класса.

Совместная работа социалистических сил должна создать предпосылки для построения Народного Фронта, охватывающего и буржуазные демократические группы. Но Народный Фронт немалым без сплочения различных пролетарских групп, которое одно лишь может дать Народному Фронту необходимую ему твердую массовую и идеологическую опору.

Под восстановлением демократии в Эстонии, составляющим цель Народного Фронта, понимается, как констатирует договор, восстановление правового государства и свободных выборов, отмена осадного положения, энергичная борьба против фашизма и восстановление прав местного самоуправления. Договор содержит сверх того программу экономических и социально-политических требований.

В основу совместной работы обеих групп положен факт, что обе они стоят на почве Рабочего Социалистического Интернационала. С коммунистами единства действий не предполагается, но признается роль Советского Союза, как опоры мира, и устанавливается отказ от нападков на Советский Союз и на коммунистическое движение.

На предстоящих выборах обе группы образуют совместно избирательный блок и будут друг друга поддерживать. Ежегодник старой партии «Рахва Ээна» преобразуется в общий орган объединившихся групп.

Все вопросы рабочего движения, в особенности же возникающие спорные вопросы, должны разрешаться комиссией, в которой обе группы имеют одинаковое число представителей. Лица, связавшие себя с нынешним правительством, считаются временно стоящими вне рабочего движения. Всякая группа рабочего движения, объявляющая свое согласие с программой Объединения и желающая добросовестно сотрудничать с ним, принимается в состав Объединения.

До сих пор не удалось, к сожалению, привлечь к совместной работе третью группу, возникшую из прежнего социалдемократического рабочего движения, — группу, возглавляемую Иогансоном и опирающуюся на некоторые профессиональные союзы. Но обе сплотившиеся группы располагают большинством во всех рабочих организациях и надеются, что их союз создаст почву для мощного возрождения демократического развития Эстонии.

## КАТОРЖНЫЕ ПРИГОВОРЫ СОЦИАЛИСТАМ В ЛАТВИИ.

6 октября в рижском военном суде состоялся новый процесс против латвийских социалистов. Девять социалистов обвинялись в нелегальной работе в рядах Социалистической Рабоче-Крестьянской Партии Латвии (нелегальная преемница распущенной после переворота 1934 года латвийской социалдемократии).

Подсудимым социалистам вменялась в вину принадлежность к тайной организации, поставившей себе целью «ниспровержение существующего в Латвии государственного строя». Всем однако известно, что с 1934 года Латвия не имеет никакой конституции, а потому и никакого определенного «государственного строя». Если кого можно было посадить на скамью подсудимых за ниспровержение государ-

ственного строя, то тех, кто в мае 1934 года насильственно ниспроверг законно существовавший государственный строй. На деле выходит наоборот: подлинные государственные преступники сажают на скамью подсудимых защитников незаконно ниспровергнутого ими демократического государственного строя.

Прокурор пытался превратить подсудимых социалистов в «коммунистов». Принудительно унифицированная латвийская печать тоже называет процесс «коммунистическим процессом». Все это ложь: ни один из подсудимых коммунистом не был. Фашистский суд присудил двух товарищей к 3-летнему заключению в арестанских ротах, одного к 2-летнему, две женщины получили по полтора года и одна 1 год каторги. Другие три женщины были приговорены к многомесячному тюремному заключению.

## ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ПОБЕДЫ НОРВЕЖСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

Состоявшиеся 18 октября в Норвегии муниципальные выборы еще раз подтвердили положительное отношение народных масс к правительственной деятельности скандинавских рабочих партий (в Норвегии Рабочая Партия стоит во главе правительства с марта 1935 года).

По предварительным подсчетам, опубликованным 28 октября Бюро Печати Рабочей Партии, Р. П. получила 5.720 муниципальных мандатов вместо бывших в ее распоряжении раньше 5.101, т. е. выиграла 619 мест. Эти цифры относятся ко всем 747 муниципалитетам Норвегии. Но в 4 муниципалитетах выборы к этому времени еще не были произведены, а из 5 не поступило еще данных, так что для этих 9 муниципалитетов цифра мандатов сосчитана старая (32). В результате Р. П. располагает теперь неоспоримым большинством в 186 муниципалитетах, в том числе в 16 городах. В 63 муниципалитетах число ее мандатов равно сумме мандатов всех буржуазных партий, взятых вместе.

Особенного внимания заслуживают выборы в Осло, столице Норвегии. Здесь число голосов, поданных за Р. П. увеличилось не только по сравнению с последними муниципальными выборами, но и по сравнению с прошлогодними парламентскими выборами. Партия получила 52,5% всех голосов, завоевала 2 новых мандата и располагает абсолютным большинством: 45 мест (прежде 43) против 35 консерваторов (35), 2 либералов (3) и 2 мандатов Религиозно-народной партии (0). Характерен и позорный провал норвежских фашистов, получивших вместо прежних 5.298 голосов лишь 792 и потерявших все 3 места своих в муниципальном совете.

Окончательных официальных сводок еще нет, но по данным о 630 муниципалитетах из 747 распределение мандатов представляется в следующем виде: Р. П. 5.251 (прежде 4.717), объединенный буржуазный список 2.143 (2.191), либералы 1.381 (1.345), крестьянская партия 1.200 (1.186), консервативно-либеральная народная партия 854 (749), коммунисты 135 (170), мелкие крестьяне и рыбаки 125 (105), религиозные объединения 108 (96), фашисты 8 (58), различные аполитические и местные группы 1.523 (2.035).

## ПО РОССИИ

### ЗА КУЛИСАМИ ПОЛИТБЮРО (разоблачения бывшего коммуниста).

В берском органе швейцарской социалдемократии «Бернер Тагвахт» напечатаны интересные разоблачения бывшего лидера швейцарских коммунистов Вальтера Брингольфа, только недавно покинувшего ряды Коминтерна, о закулисной стороне борьбы между Сталиным и оппозицией в России. Мы приводим краткие выдержки из статьи Брингольфа, не имея, конечно, никакой возможности судить о степени достоверности приводимых им фактов.

Значительный хозяйственный подъем, имевший место за последние годы в Советской России, и вовлекший миллионы людей в механизм современной крупной индустрии и техники, выдвинул довольно значительный слой способных и развитых рабочих и крестьян, у которых появилась потребность в свободе и самостоятельности.

С другой стороны, в том же направлении расширения свободы и самостоятельности населения толкают Советскую Россию потребности армии и хозяйства. Армия нуждается в бесперебойной работе промышленности и сельского хозяйства, особенно в виду наличия военной опасности. И именно в верхах Красной Армии зародилась, по утверждению Брингольфа, идея о новой советской конституции, гарантирую-

щей населению большую сумму свободы. Нет сомнения, — пишет Брингольф, — что честное и умелое развитие этой идеи могло бы обозначать новую эпоху в истории Советской России. Но это должно было бы быть связано с отменой диктатуры и террора. А на это ни за что не мог согласиться Сталин и созданный им аппарат. Они оказались неспособными пойти по нозому пути.

Сталин сам, как человек совершенно лишенный творческого воображения, никак не мог выйти из рамок своего собственного прошлого. Благодаря этому, вышло так, что как раз те статьи конституции, в которых стране обещаются свободы и населению предоставляются известные демократические права, были приняты в Политбюро против Сталина. И этого факта не может изменить и то обстоятельство, что во всей советской печати Сталин сейчас воспевается как истинный творец этой конституции, и сама она названа «сталинской».

Самые видные вожди компартии и армии за последние годы не переставали указывать, что бюрократические методы сталинского аппарата вступают во все более резкое противоречие с тенденциями хозяйственного и общественного развития. О том же Сталину докладывали все время бесчисленные делегации хозяйственных и военных организаций, требовавшие отмены ряда постановлений и декретов, продиктованных бюрократической закоснелостью и полным непониманием новой ситуации, складывающейся в России.

Как известно, Сталин всякую критику, даже самую товарищескую и деловую, всегда воспринимал как личное оскорбление. Критики всегда вызывали в нем подозрение. Его подозрительность особенно усилилась, когда критика, исходившая первоначально из кругов хозяйственников и военных, нашла горячую поддержку со стороны записных оппозиционеров, как Зиновьев, Каменев, Рыков, Бухарин и др. Подозрения Сталина были совсем безосновательны, ибо на верхах, в виду проявляемого Сталиным сопротивления реформам, стали поговаривать о персональных переменях в верховном руководстве государством и партией. Был проект дать Сталину какую-нибудь почетную синектуру или же совсем удалить его из политической жизни.

Прежде чем эти настроения и меры успели кристаллизироваться и принять определенные формы, Сталин со свойственной ему беспощадностью перешел в наступление, насколько не заботясь о том, как предпринимаемые им «карательные меры» отразятся на внутреннем и внешнем состоянии Советского Союза. Для него все остальные соображения отступили на задний план перед вопросом о сохранении личной власти.

Как именно Сталин расправился со всеми своими противниками — это всем известно.

Характеризуя эту расправу, Брингольф особенно останавливается на истории с Ягодой.

Ягода всегда был лично связан со Сталиным и полностью ему предан. Еще во время первого процесса против оппозиции (Зиновьев-Каменев) Ягода безоговорочно шел вместе со Сталиным. Но после этого процесса в Ягоде началась какой-то перелом. Дело в том, что в связи с этим процессом в ЦК компартии поступил меморандум, подписанный 2.000 старых большевиков и определенно осуждающий сталинские методы. Среди подписавших было очень много старых друзей и соратников Ягоды; поставленный перед необходимостью принять жестокие карательные меры против тех, чьи подписи красовались под меморандумом, Ягода колебался. Это его погубило. Караящая рука Сталина обрушилась на него самого.

В связи с этим очень интересным Брингольфу кажется повествование Блюхера.

В Советском Союзе все считали Блюхера оппозиционером. И нет сомнения, что по существу Блюхер был согласен с теми своими товарищами по Красной Армии, которые потом были расстреляны. Но это не помешало ему войти в состав суда, который приговорил его единомышленников к смертной казни.

Террор в России, по мнению Брингольфа, далеко еще не завершил своего кровавого круга. Но для него нет сомнений, что Сталин своей политикой террора подготавливает быстрый конец своей диктатуре и своему личному господству. Оппозиция непрерывно растет, а число людей, верящих в чудовищные обвинения, выдвигаемые против заслуженных революционеров и партийных деятелей, становится все меньше и меньше. В Советской России имеется 20 или 30 миллионов рабочих, крестьян, красноармейцев и служащих, которые прошли известную школу и которые хотят идти вперед к новому этапу в истории страны. Сталин же задерживает это движение вперед, он сейчас является символом регресса. Историческое решение, которое совершится, будет направлено против Сталина и его аппарата, — заканчивает Брингольф.

# ПОМНИТЕ О СТРАШНОЙ НУЖДЕ ССЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ

## ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ.

До выборов в Верховный Совет еще больше двух недель, но избирательная кампания явно уже идет на убыль: официальная шумиха, конечно, не ослабевает, скорее даже нарастает, но интерес населения к выборам падает, и от отчетов об избирательных собраниях все явственнее веет серой казенщиной и непреодолимой скукой. Какой контраст с тем, как обычно разворачивается избирательная кампания в демократических странах, где как раз в последние недели перед выборами политическое возбуждение среди избирателей достигает своего высшего напряжения. «Самая демократическая в мире» конституция при первом же испытании показала свое подлинное лицо, и не напрасно формула о «самой демократической» почти исчезла в последние недели из политического обихода: «инженеры» официального общественного мнения правильно — может быть, инстинктивно — почувствовали, что во время избирательной кампании в постоянном повторении этой формулы таится какая-то опасность.

Избирательная кампания без избирательной борьбы, борьбы кандидатов и избирательных программ, вообще нелепость. Компартия пыталась маскировать эту нелепость и придать выборам внешний характер «общенародности»: кандидатов выдвигает и ведет избирательную кампанию не компартия и ее многочисленные органы, а сами массы: инициатива по выдвижению кандидатов исходит от беспартийных, кандидатуры утверждаются широкими беспартийными окружными конференциями, избирательная кампания ведется «доверенными» этих конференций. Пока речь шла о выдвижении и утверждении кандидатов, маскарад этот еще кое-как налаживался; но как только нужно было приступить к избирательной агитации, вся постройка рухнула, как карточный домик.

Избирательную кампанию должны были вести «доверенные» окружных конференций; компартия должна была оставаться в тени (см. об этом в обзоре в предыдущем номере «С. В.»). Но даже и этим тщательно подобранным и просеянным «доверенным» компартия не решилась предоставить хотя бы тень самостоятельности. Нигде, повидимому, «доверенные» — а конференция выбирали их в большом числе, были случаи, когда для одного округа выбиралось более 200 «доверенных» — не пытались самостоятельно организовать свою работу, т. е. не пытались конструироваться как группа, которая самостоятельно и за своей ответственностью ведет избирательную кампанию. Всюду руководство доверенными сохранялось — и не только фактически, но и формально — за местными комитетами компартии. Такова несомненная, хотя и не опубликованная, директива октябрьского пленума ЦК. Она очень откровенно формулирована в передовой «Правды» от 16-го ноября: райкомы обязаны «созывать доверенных, объяснять им их задачи», на обязанности райкомов лежит вся «организация работы доверенных». Дальше еще отчетливее:

«Райкомы обязаны проверять деятельность доверенных лиц... Каждый райком обязан использовать доверенных лиц как информаторов для того, чтобы лучше знать что делается на избирательном участке, чтобы знать о малейших происках враждебной агитации».

«Доверенные» беспартийных конференций в качестве технических помощников и полицейских «информаторов» при райкомах — дальше, пожалуй, уже действительно некуда идти.

На обязанности доверенных лиц лежит агитация за выдвинутых окружными конференциями кандидатов. Но что это за агитация! «Надо добиться, чтобы каждый избиратель... знал не только фамилии, но и биографии, жизненный и политический путь, заслуги и достоинства кандидатов в депутаты» (передовая «Правды» от 19-го ноября). О задачах, которые лежат на депутатах, ни слова. Вся избирательная кампания ведется так, точно завершиться она должна не выборами депутатов парламента, которому принадлежит вся полнота законодательной власти («Законодательная власть в СССР

осуществляется исключительно Верховным Советом СССР», ст. 32 конституции), а лишь **вотумом доверия** правительству, господствующей партии и — главное — обожаемому «вождю». Плебисцитарная традиция «завершителя» великой французской революции и могильщика французской революции 1848 года воспринята на склоне великой русской революции Сталиным и доведена им до предельного совершенства.

В соответственном духе выдежаны и речи будущих депутатов, обращенные к их избирателям. Ни один из них еще не сказал, что собственно он будет делать в течение 4-х лет в советском парламенте. Воспоминания о прошлом, история личного восхождения кандидата из социальных низов, славы условия нашей чудесной эпохи, нашим гигантским достижениям, нашей мудрой партии и особенно Ему, несравненному, великому, любимому, родному, проклятия по адресу «подлых агентов фашизма — троцкистско-бухаринских вредителей и шпионов» — вот костяк кандидатских речей. Нужно ли удивляться, что у избирателей падает интерес к такой избирательной кампании?

\*\*\*

Одна из самых замечательных особенностей теперешней избирательной кампании заключается в том, что еще до выборов точно известен **состав будущего парламента**. Так как ни в одном округе нет конкурирующих кандидатур, то список кандидатов и есть список депутатов. Список этот действительно беспримечательный.

Кого же посылает советский народ в Верховный Совет СССР? Конечно, в этом списке фигурируют все (т. е. все еще не опороченные) «вожди», много местных и центральных руководящих советских и партийных работников, больше число стахановцев города и деревни. Этого нужно было ожидать заранее, да и иначе это, пожалуй, сейчас и быть не могло. Но не в этом своеобразие состава будущего советского парламента. Что делает его действительно беспримечательным — это громадное число **военных** и — еще поразительнее — совершенно исключительное представительство **политической полиции**.

Особенно характерен в этом отношении Совет Союза. В состав его входят не только наркомобороны Ворошилов со всеми своими пятью заместителями, но и начальник генерального штаба, командующие войсками Московского, Киевского, Белорусского, Приволжского, Уральского, Закавказского, Среднеазиатского, Забайкальского и Дальневосточного военных округов (поражает отсутствие — пока? — в списке депутатов командующего войсками Ленинградского военного округа **Дыбенко**, имя которого как-то промелькнуло в начале избирательной кампании в числе лиц, намечавшихся в депутаты по Ленинградской области, но до сих пор не названо в числе утвержденных избирательными комиссиями кандидатов), командующие Балтийским и Северным морским флотом и большое количество генералов и офицеров. Всего в составе Совета Союзов насчитывается (по материалам «Правды» по 21-ое ноября, в которых сообщаются сведения по 550 округам из 569) 62 военных, т. е. более 11% депутатов; в громадном большинстве это высшие чины армии и флота; среди 62 депутатов-военных нет ни одного рядового **красноармейца или матроса** и всего два младших командира (унтер-офицера), оба известные подводники.

Значительная группа военных входит и в состав Совета Национальностей. Их пока 28 (нет еще сведений по 90 округам), в том числе командующий Черноморским флотом, командиры Харьковского и Сибирского военных округов, заместитель командующего войсками Среднеазиатского военного округа; но в большинстве своем военные депутаты Совета Национальностей рангом пониже депутатов Советского Союза, и среди них оказались даже не только два младших командира, но даже и три красноармейца; здесь сказались, повидимому, влияния настроений пограничной полосы: 2 красноармейца-депутата и 1 младший командир — пограничники.

Верхи политической полиции представлены в Верховном

Совете, пожалуй, еще полнее. Конечно, вместе с Ежовым здесь присутствуют все четыре его заместителя. Но это только начало. По РСФСР избираются в Совет Союза 23 начальника краевых и областных управлений НКВД, т. е. громадное большинство их, и 5 НКВД автономных республик. Отсутствуют (пока?) лишь девять начальников областных управлений, главным образом из более захолустных областей. Об одном из отсутствующих стоит упомянуть особо. Это начальник управления НКВД по Курской области; в «Правде» от 29-го октября сообщалось, что колхозники Поньковского района Курской области выдвигают кандидатом в Совет Союза курского начоблупра НКВД Петра Самойлова. Но в окончательном списке кандидатов вместо него показана кандидатом по Поньковскому округу Землячка-Самойлова, заместитель председателя Комиссии Советского Контроля при СНК СССР. Значит ли это, что в последнюю минуту обнаружилась «ненадежность» начоблупра, который, конечно, немедленно утратил доверие и любовь Поньковских колхозников? Или его выдвинули по ошибке, смешав двух Самойловых?

Украина представлена в Совете Союза наркомвнуделом, начальником пограничных войск НКВД и начальниками управлений НКВД Днепропетровской и Одесской областей, Белоруссия, Армения, Азербайджан, Узбекистан, Казахстан и Киргизия наркомвнуделами. Лишь три союзных республики — Грузия, Туркменистан и Таджикистан — не посылают своих наркомвнуделов в Совет Союза, но они все трое заседают в Совете Национальностей, в состав которого входят кроме того замнаркомвнудел Белоруссии и начальники пограничных войск НКВД Азербайджана и Армении. Включая и нескольких не перечисленных выше наркомвнуделов, политическая полиция представлена в Совете Союзов 42 депутатами (почти 8%) и в Совете Национальностей 13 избранными народом.

Невольно задаешь себе вопрос: не является ли это исключительно авторитетное представительство верхов армии и политической полиции не только отражением нового складывающегося в стране социального уклада, но и средством для осуществления определенных целей? Не зреет ли в голове гениального вождя какой-то новый план, для успеха которого ему необходимо заручиться содействием — и круговой порукой — всего руководящего слоя армии и политической полиции? Прецедент этому уже был — дело Тухачевского.

Военно-полицейское засилие в Верховном Совете тем более бросается в глаза, что на другом полюсе ему соответствует исключительная слабость представительства профсоюзов. В составе Совета Союзов всего два профсоюзника: секретари ВЦСПС Москатов и Клавдия Николаева. В составе Совета Национальностей шесть профсоюзников: Шверник в качестве депутата Свердловской области, Лозовский в качестве одного из депутатов Киргизской ССР (!), председатель ЦК нефтяников восточных районов (от Башкирской АССР), председатель и секретарь ЦК нефтяников Кавказа (оба от Азербайджанской ССР) и председатель ЦК союза строителей тяжелой промышленности Центра и Юга (от Удмуртской области!). Из 163 союзов только три имеют своих руководящих работников в составе Верховного Совета, причем ни один из них не попал в Совет Союза, которому — по его составу — принадлежит решающая роль в Верховном Совете, а все оказались членами явно неудавшегося и в таком виде ненужного Совета Национальностей. И далее: в составе Верховного Совета нет ни одного председателя завкома или месткома. Этот почти невероятный, еще десять лет назад прямо немыслимый факт свидетельствует не только о глубоком упадке советского профдвижения, но и — что еще гораздо важнее — о резком падении значения рабочего класса в социальной структуре Советского Союза.

\*\*\*

Просматривая список депутатов Верховного Совета, наталкиваешься еще на одну черту, заслуживающую пристального внимания, — на «горячие следы чудовищных опустошений, произведенных в последние месяцы в составе руководящих советских и партийных кадров. Список депутатов прямо пестрит «и. о.». Даже среди председателей ЦИК'ов союзных республик — а как было не наметить их всех в состав будущего Верховного Совета? — трое оказываются лишь «исполняющими обязанности»: и. о. предЦИК'а Азербайджанской, Армянской и Киргизской ССР. С председателями Совнаркома дело оказалось лучше: все союзные республики, кроме одной, имели возможность послать в Верховный Совет председателей своих правительств, но с Украинской случилась беда: карьера назначенного в начале сентября (после самоубийства Любченко) предсовнаркома Бондаренко уже закончилась, и Украинская ССР не могла послать

## В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т:

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Étoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Étoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIÉ, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журнала (от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.

в Верховный Совет не только предСНК, но даже и и. о. и утешилась посылкой трех зампредсовнаркома.

И. о. секретарей обкомов, председателей горсоветов и облисполкомов видимо невидимо. Все это свежие рубцы еще не залечившихся ран. В рамках настоящего обзора нет места для разработки этой темы с той полнотой, которой она заслуживает. Ограничусь поэтому лишь несколькими примерами.

По той же Украине мы видим в списке депутатов и. о. секретарей Киевского, Харьковского, Днепропетровского, Одесского обкомов (т. е. всех важнейших областей, кроме Донецкой, где после падения в июле Саркисова и замены его Прамнеком все пока обстоит благополучно). Из советов больших городов нормально представлены своими председателями лишь Днепропетровск и Одесса; Николаевский горсовет представлен и. о. председателя, а Киевский и Харьковский горсоветы не представлены вовсе. Нет в составе депутатов и председателей облисполкомов важнейших областей. И это, конечно, не случайность.

В Белоруссии та же картина в несколько ином варианте. Еще совсем недавно — в середине лета — здесь сменилась вся руководящая партийная и советская верхушка. Секретарями ЦК компартии были избраны 1-ым Шарангович и 2-ым Денисенко. Сейчас в списке депутатов этих имен нет, но избран в Совет Союза и. о. 1-го секретаря ЦК Волков и в Совет Национальностей 2-ой секретар ЦК Левицкий. Вместо назначенного в июне нового предСНК Волковича избирается в Верховный Совет предСНК Ковалев. Чтобы выйти из затруднений, вызываемых явным неблагополучием с местными руководящими кадрами, в Белоруссии прибегли к оригинальному средству — к заполнению списка кандидатов военными: из 19 депутатов Белоруссии в Совете Союза семь, т. е. почти 40%, военных: Ворошилов, его заместитель по воздушно-военной части Алкенис, два начальника правлений Наркомвоенна СССР, командующий войсками Белорусского военного округа, армейский комиссар и старшина пограничной заставы.

По РСФСР ограничусь беглым перечислением важнейших «и. о.»: в числе депутатов мы видим и. о. секретарей Дальневосточного и Красноярского крайкомов, Архангельского, Воронежского, Смоленского, Курского, Челябинского, Омского, Читинского, Иркутского, Карельского, Бурят-Монгольского, Мордовского, Хакассского обкомов, и. о. председателей Курской, Смоленской, Свердловской, Иркутской, Читинской и Еврейской автономной областей, председателей ЦИК'ов Татарской и Башкирской АССР. Читатель, может быть, уже обратил внимание, что по Курской, Смоленской, Иркутской и Читинской областям «исполняют обязанности» и секретарь обкома и председатель облисполкома. Нетрудно представить себе, что произошло в последние месяцы в этих областях.

Список депутатов свидетельствует о разгроме руководящих советских и партийных кадров не только многочисленными «и. о.», иногда о том же говорит и отсутствие того или иного имени в составе депутатов. Так сейчас уже не может

# ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ. ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ

быть сомнения в том, что недавние слухи о падении и вероятном аресте кандидата в члены политбюро ЦК ВКП и зампреда СНК СССР Рудзутака, заведующего с.-х. отделом ЦК Яковлева (докладчика об избирательном законе на июльской сессии ЦИК'а), быв. наркома оборонной промышленности Рухимовича, знаменитого авиоконструктора инженера Туполева, о которых сообщалось в европейской печати, полностью отвечают действительности. Но проблемы в списке депутатов говорят иногда и о другом — о предстоящем падении того или иного сановника. Выше мы уже видели, что до сих пор не названо в числе кандидатов в Верховный Совет имя Дыбенко. Может быть, в последнюю минуту все же будет сообщено, что Дыбенко облечен доверием народа; но и в этом случае самая запоздалость сообщения несомненно имеет смысл предостережения. Но вот два других сановника уже несомненно обречены: в составе Верховного Совета мы видим имена всех наркомов СССР, кроме двух: наркомюста Крыленко и наркома лесной промышленности Иванова. Это значит, что карьера их кончена.

С. Ш.

## К СТАТЬЕ О ПАЛЕСТИНЕ В № 19 «СОЦ. ВЕСТНИКА».

В своей статье о «Независимом еврейском государстве и еврейской Рабочей Партии» тов. В. Мандельберг между прочим упомянул, что «одно время даже городским головой Тель-Авива был члене Р. П.», не указав при этом имени этого члена Р. П. По недосмотру редакции, при правке манускрипта для печати было вставлено отсутствовавшее в рукописи тов. Мандельберга имя «Дизенгоф», между тем как речь могла идти лишь о тов. Блохе, который некоторое время был городским головой Тель-Авива, избранным против кандидатуры Дизенгофа. Отмечая этот свой промах, редакция «Соц. Вест.» приносит извинение своему уважаемому палестинскому сотруднику.

## ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Новая Россия. № 35, 36.

Знамя России. № 11 (99).

Н. А. Базили. Россия под советской властью. Изд. Maiso du Livre Etranger. Paris.

Бюллетень Экон. кабинета проф. С. Прокоповича. № 137.

Пробуждение, № 84-87, Июль-Октябрь 1937. Детройт.

Життя і Слово. Місячник. № 1. Дрогобич.

Тризуб. № 43 (593).

Вістник Укр. Громади у Франції. № 65.

Информ. Бюллетень НКТ и ИФА. № № 19-21. Барселона.

Que faire? N° 35.

La Révolution prolétarienne, N° 258.

Prométhée, N° 130.

H. C. Wu. Japon the World's Enemy.

Dr. V. K. Wellington Koo. L'Agression Japonaise et la Société des Nations. 1937.

Les Cahiers Rouges. N° 4, Octobre 1937.

Independent News. N° 10, 11, 12.

Les Documents Politiques, Diplomatiques et Financières N° 10, Octobre 1937.

Socialist Review, October-Nov. 1937, N° 3. New-York.

Bulletin du Bureau de Presse Ukrainien, N° 27.

Delnická Osvěta, N° 8.

Les Coopératives Autrichiennes sous la Dictature.

Deutschland-Berichte der Sopade. N° 10.

Proletarian Group, November 1937, New-York.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1938 г. НА ЖУРНАЛ

# СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

(18-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца) месяца)

**ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:** для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.; для С.А.С.Ш. за год — 6 долл., за 1/2 г. — 3 долл., за 1/4 г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за 1/2 г. — 75 фр., за 1/4 г. — 40 фр.

**ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №:** для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 4 фр., двойного — 6 фр.; для С.А.С.Ш. — 25 центов, двойного — 35

центов; для остальных стран — 6 фр., двойного — 9 франков.

## ПРЕМИЯ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно абонемент на «Kampf» — на 1/2 года.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно